

© 2025. Т. Н. Галашева

Российская национальная библиотека
г. Санкт-Петербург, Россия

Читательские заметки и рассуждения о Наполеоне: записная книга новоторжского купца В. Е. Козминых

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10135: «Возникновение и развитие автобиографической традиции в русской письменной культуре конца XVI — начала XX в. в контексте изучения изменений в сознании человека эпохи Нового времени»

Аннотация: Статья посвящена документу личного происхождения — «записной книге» новоторжского купца Василия Козминых (1852 г.). Рукопись содержит выписки из газет и журналов, замечания о местных событиях и исторические рассуждения. Отличительной чертой текста является внимание к личности Наполеона, проходящее через все записи: даты его биографии, выписки о нем и его потомках, рассуждения о его поступках с христианской точки зрения позволяют видеть в рукописи своеобразный вариант «наполеоновского мифа». Особый интерес представляет изложенная раёшным стихом «Сатира на Наполеона», сочиненная или записанная В. Е. Козминых. Многочисленные выписки из газет и журналов и комментарии к ним позволяют судить о культуре чтения в Торжке, о том, что привлекало автора записей и какие чувства пробуждало. Главными историческими источниками для новоторжского купца служили периодические издания: «Вестник Европы», «Северная пчела», «Московские ведомости».

Ключевые слова: эго-документ, записная книжка, купцы, Торжок, провинциальный читатель, Наполеон, раёшный стих, «Вестник Европы», «Северная пчела», «Московские ведомости».

Информация об авторе: Татьяна Николаевна Галашева, кандидат филологических наук, научный сотрудник, Российская национальная библиотека, ул. Садовая, д. 18, 191069 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9516-8513>

E-mail: ta.ni.ma@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 11.06.2024

Дата одобрения статьи рецензентами: 02.10.2024

Дата публикации статьи: 25.03.2025

Для цитирования: Галашева Т. Н. Читательские заметки и рассуждения о Наполеоне: записная книга новоторжского купца В. Е. Козминых // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 1. С. 310–335. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-1-310-335>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 7, no. 1, 2025, pp. 310–335. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 7, no. 1, 2025, pp. 310–335. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2024. Tatyana N. Galasheva

National Library of Russia

St. Petersburg, Russia

Reader's Notes and Thoughts About Napoleon: Notebook of the Torzhok Merchant Vasilii Kozminykh

Acknowledgments: This work was carried out with financial support from the Russian Science Foundation, project no. 22-78-10135: “The Emergence and Development of the Autobiographical Tradition in Russian Written Culture of the Late 16th – Early 20th Centuries in the Context of Studying Changes in Human Consciousness in the Modern Era.”

Abstract: The article is devoted to a *personal document*, the “notebook” of the Torzhok merchant Vasily Kozminykh (1852). The manuscript contains extracts from newspapers and journals, notes on local events, and historical discussions. A distinctive feature of the text is the attention to the personality of Napoleon, which runs through all the records. The dates of his biography, extracts about him and his descendants, and discussions about his actions from a Christian point of view allow us to see in the manuscript a unique version of the “Napoleonic myth.” Of particular interest is the “Satire on Napoleon,” written or written down by Vasilii Kozminykh, presented in rayok style. Numerous extracts from newspapers and journals and comments to them make it possible to evaluate the reading culture in Torzhok, what attracted the author of the entries, and what feelings aroused. The main historical sources for the Torzhok merchant were periodicals, such as “Bulletin of Europe,” “Northern Bee,” and “Moskovskie Vedomosti.”

Keywords: ego-document, notebook, merchants, Torzhok, provincial reader, Napoleon, rayok, “Bulletin of Europe,” “Northern Bee,” “Moskovskie Vedomosti.”

Information about the author: Tatyana N. Galasheva, PhD in Philology Researcher, National Library of Russia, Sadovaya St., 18, 191069 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9516-8513>

E-mail: ta.ni.ma@yandex.ru

Received: June 11, 2024

Approved after reviewing: October 30, 2024

Published: March 25, 2025

For citation: Galasheva, T. N. “Reader’s Notes and Thoughts About Napoleon: Notebook of the Torzhok Merchant Vasilii Kozminykh.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 1, 2025, pp. 310–335. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-1-310-335>

В центре внимания настоящей статьи — купеческая записная книжка. Этот жанр трудно назвать автобиографическим в полном смысле слова (как дневники или мемуары). И. Л. Савкина, рассуждая об авторах литературных записных книжек, замечает: «В записках, как следует уже из их названий, центр тяжести, казалось бы, переносится на объект (“Записки об Анне Ахматовой”) или на “групповую” идентичность пишущего: “Записки военного переводчика”, “Записки блокадного человека”. И, тем не менее, записки — это тоже эго-текст, в котором, однако, персонализированность имеет иную природу, чем в дневнике, или, точнее сказать, она строится иначе, проявляет себя в редуцированной, скрытой или косвенной формах» [Савкина: 338]. Хотя рассматриваемый текст не относится к художественным, в нем можно обнаружить и групповую идентичность (провинциальное купечество), и даже объект. Главной темой исследуемых записей является история, одним из главных героев — Наполеон Бонапарт. В выборе тем и источников, в выписках и комментариях к ним в конечном счете проступает портрет автора записей.

Как отмечает М. А. Смирнова, автобиографические тексты позволяют увидеть «процесс развития индивидуального самосознания человека, его самоидентификацию в обществе и мире, способы мышления, взгляды, цели, мотивы, страхи и переживания» [Смирнова: 234]. Мемуарные традиции тверского купечества в достаточной мере известны: опубликованы дневники Морозовых (1753–1827 гг.), Блиновых (1762–1865 гг.), Тюльпиных (1762–1824 гг.), Томиловых (1776–1862 гг.), а также весьма подробная «Книга записи погоды и сообщений по Торжку», которую вел новоторжец Иван Николаевич Масленников и его родственники (1819–1874 гг.) [Барклай; Купеческие дневники: 220–440]. В этом контексте записная книга Василия Козминых (в силу жанра или в силу особенностей пишущего) выделяется своим индивидуальным, а не семейным характером. Ей свойственен интерес не столько к соб-

ственному делу и семье, сколько к меняющемуся миру вокруг; к событиям, отошедшим в область истории. Книжка позволяет увидеть читателя современных и старых журналов, газет и книг, выписывающего и комментирующего наиболее важные новости и факты. В отличие от читательских записей на полях, записная книжка в конечном итоге превращается в своеобразный сборник — личный архив.

Рукопись из коллекции Древлехранилища Пушкинского Дома (ИРЛИ. Оп. 23, № 77) содержит записи 1852 г., сделанные одной рукой¹. Почерк можно охарактеризовать как беглый полууказ, что придает рукописи несколько архаичный вид². На л. 1 — виньетка с готическим заголовком «Записная книга Василья Е. Козминых». На этом листе читается единственная запись о здоровье («1852 Апр<еля> 20 ч<исла> фелдшар Осип Петров, живѣтъ въ домѣ Алмазова, он открыл мнѣ крови $\frac{3}{4}$ фун<та> по рецепту Софоновича», л. 1)³. Эта запись появилась на титульном листе книги уже после его оформления. Рядом записывается необходимая справочная информация: формулы перевода единиц измерений («Сажень 7 фут. Фут 12 дюйм. Ярд 3 фута или 1 $\frac{1}{4}$ арш<ин> <...>»).

Отнести рукопись к автобиографическим документам позволяет также и ее последний лист, где читается летопись доходов и расходов

¹ Институт русской литературы (ИРЛИ). Оп. 23, № 77. Записная книжка Василия Козминых, 1852 г., в 8-ку, 78 л. Скоропись одного почерка. Переплет: синий картон, тиснение по периметру. Штемпели: Угличской фабрики наследников Попова («НсП / у. б. ф.» – Клепиков, 1959, № 156 (1848–1855 гг.)). Рукопись хранится в коллекции отдельных поступлений, поступила от М. М. Орловой.

² Ср.: в дневнике новоторжцев Масленниковых, судя по описанию, есть записи «достаточно беглой и изящной скорописью и несколько неуклюжим и тяжеловесным полууказом». Последние, по предположению публикаторов, принадлежали теще Ивана Николаевича, Анисье Ивановне Остолоповой, умершей в 1853 г. [Купеческие дневники: 369].

³ В воспоминаниях военного врача А. А. Синицына описан Алексей Сафонович Лавров, старший из трех городских врачей, человек «умный и хороший юморист», лечивший состоятельных пациентов, «в терапии у него главную роль играли разного рода кровеизвлечения и всякие отвлекающие и ослабляющие средства» [Романов: 503]. Здесь и далее в скобках даются указания на лист рукописи. Текст цитируется в орфографии оригинала, с опущением «ъ» на конце слов; знаки пунктуации расставлены публикатором (в рукописи отсутствуют).

по лавке в Торжке: «1789 г. у Торжка 700 р. в год. А расход 180 р. 1790 и 92 расход по 230 р. <...> В 1823 г. сент<ября> 11 ч<исла> на лавку купленную мою у Овсянеков<а> крѣпость я совершил. Крепости 1-я 1783 июня 19. 2-я 1794 февр<аля> 9-го полаты со стр<оениями>. Я купил у Терентья Голузена мѣсто 1818 г. генв<аря>. Иван куп<ил> мѣсто Тefонов у Петра Мокрова 1843 октя<бря>. 43 г. я строился на дворѣ» (л. 78 об.). По этим данным, как и по почерку, можно заключить, что записи делаются человеком в возрасте, чьи интересы недаром принадлежат прошлому. Важно отметить, что книжка заполнена не полностью, в ней осталось достаточно много чистых листов (л. 27 об.–30, 31, 37, 46, 54, 59 об.–69, 78). Личные сведения не случайно оказались оттеснены на границы рукописи: они действительно не связаны с ее основным содержанием и в некотором смысле маргинальны по отношению к нему.

История Наполеона

Сквозной темой, проходящей через всю записную книжку, является история Наполеона. При этом никаких личных воспоминаний среди записей нет¹, а в центре внимания не столько французское нашествие 1812 г., сколько судьба «избалованного гордого Бонапарта» от рождения до смерти и после нее. Можно сказать, что в этой небольшой рукописи в Торжке создается свой вариант наполеоновского мифа. Среди выписок и обобщений: летопись европейских событий 1800–1805 гг. (л. 1 об.–2 об.), «Сатира на Наполеона» (л. 3–5), события 1805–1815 гг. (л. 5 об.–9), смуты и мятежи после смерти Наполеона (л. 18), жестокость Наполеона (л. 21 об.–22), войны 1807–1815 гг. (л. 40 об.–42), Наполеон в Москве (л. 52 об.–53), «Смерть генерала Багговута» (л. 54 об.–57), фран-

¹ Напротив, в тверских по происхождению дневниках Тюльпиных и Блиновых события 1812 г. переданы с позиций современников, когда нашествие представляло безусловную опасность [Барклай: 32–37; 70–71]. В первом случае описание вторжения и бегства жителей из Твери очень эмоционально, при этом и тон, и фактическая основа заимствуются из газет: «Но хотя я теперь и пишу по очереди чисел, но в тогдашнѣ время онаго знать было невозможно. 1813 года, Сын Отечества, № 27, ч. 7, л. 107» [Барклай: 34].

цузские новости 1852 г. в связи с Наполеоном (л. 75 об.–76), родословная Наполеона (л. 76 об.–77 об.).

Рукопись начинается со своеобразной летописи начала века. Факты, извлеченные из газет и книг, записываются в разговорном стиле: «1800 Наполеон в Италии послѣ Суворова стал громить слабых как Геркулес <...> Павел I-й, видя что все плохо и Англия не выполнила своих обязанностей, подружилась Россия с Наполеоном, он и зачел громить болше и больше и незаконно с правдою» (л. 1 об.). Наполеону даются эмоциональные оценки: «ничто его ни занимало как покорение под его власть всѣх владѣтельных. Эту страсть имѣл в высшей степени до сумазбротства» (л. 2). Иногда же события записываются конспективно: «1804 г. Наполеон Император. Россия прекращает сношения с Францією. Казнь герцога Ангиенскаго. Война с Персиею» (л. 2 об.). После 1805 г. летопись прерывается «Сатирой на Наполеона». Источник этого текста найти пока не удалось, — весьма вероятно, что его автором был сам Василий Козминых. Дистанция между автором и героем практически отсутствует, текст частично обращен к Наполеону напрямую, частично говорит о нем в третьем лице:

<л. 3> Росийский император с тобою заключил мир,
А ты вмѣсто благодарения с ним затеал враждебный пир,
Хитростию и лестию взош на трон
И горше поступал нежели фараон.
Жил всѣ имѣя и недоволен был,
Вѣру и святость закона ты вовсѣ забыл,
Поступать начал по своей сумазбродной власти,
Законным владельцам делал угрозы и страсти,
И зачел с тронов сгонять,
А незаконных сажать,
Называя себя великим и могущественным лавры пожать!
<л. 3 об.> Сделался болѣе злым и не имѣл чести,
А владѣтельныя не смѣли ему противоречить, боясь мести.
Он кого в Америку удалил,
А иного секретно удавил,
А иных без вины разстрелял,
И отличных всылку послал.
И Россия от силнаго его нападенья начала отступать,

А он и возмѣчал, что «могу всю Русь мгновенно попрасть».

В безумии своем говоря: «Русские молятся Богу и святым,

А я молюсь, друзья, вам и руским зададим пыл им!».

Но о! безумный, как ты без Бога надѣяться мог?

<л. 4> Не во множествѣ силы побѣда бывает и составляет ноль огромный твой итог.

Как пришла судьба и слышал невзгоду,

Стал бѣжать из Москву (*sic*) опрометью и винить погоду,

Т. е. якобы от морозов.

Кутузов говорит, что «в бегстве русские французских орлят славно вертят».

Пришел злодѣйствовать и громить на Руси,

Военачалник собрав войско руское и сказал: «Ну! Бонапарт, ты теперь не труси».

Стал от русских бѣжать,

А наши войска в затылок больно щелкать,

<л. 4 об> Говоря «какой ты великой человек!»

Тебе дѣлали добро, а ты обиды во весь свой вѣк.

Не был ты великим человеком никогда,

А был бичем всегда:

Королей с трона сгонял,

А негодяев на трон сажал».

Нам союзные говоря: «Господи помилуй! Что такое мы дѣлаим?»

Пора злодея низложить,

Чтобы безбоязненно могли жить».

Совѣтом держав его судили,

На остров Эльбу жить ему опредѣлили.

<л. 5> Наполеон, несмотря на то что отрекшись престола, с измѣнщиками бѣжал с Эльбы в Париж,

Вздумал опять на царство самовольно сѣсть,

А Людовик 18-й съестъ.

Но союзныя государи царствовать не допустили,

На сражении при Бель-Алиансѣ его схватили

И на остров Елены посадили.

Королями как шашками играл,

А законных сгонял.

Во днях революции атеист,

Во днях царствия протекционист,
И вся жизнь его хаос.

Скрепленный парными рифмами раёшный стих контрастирует с серьезным историко-политическим содержанием сатиры, полностью соответствующей общей идее записной книжки. Стихи звучат по-ярмарочному весело; оживляются риторическими обращениями автора и прямой речью героев: Наполеона, Кутузова, русских солдат, союзников. Дважды ритм стиха сбивается прозаическими пояснениями (о русских морозах и об отречении императора). В сатире как будто совершается нравственный суд над героем: нападение на Россию описано как «неблагодарность», жизнь Наполеона уподобляется злодейству, ошибке, хаосу, «огромный» итог ее подсчитывается как равный нолю. Инвектива направлена, главным образом, на противостояние Наполеона «закону», на смещение с тронов их «законных владельцев», однако подразумевается и противостояние закону божественному («фараон»)¹. На других листах записной книжки есть прозаические заготовки к сатире или ее отголоски: «Русские молятся, а я вам молюсь, друзья, — вот безумец, какую рѣчь своим солдатам сказал. Он над кѣм смѣется, над самим Богом! О варвар, ты подобен фараону»² (л. 41). В описании бегства французов можно услышать аллюзии на карикатуры времен Отечественной войны

¹ Тот же мотив противостояния закону звучит, например, в стихотворении Н. М. Карамзина «Освобождение Европы и слава Александра I (посвящено московским жителям)»: «Народы и цари! ликуйте: // Воскрес порядок и Закон <...> Воссел на трон — людей карать // И землю претворять в могилу, // Слезами, кровью утучнять, // В закон одну поставить силу» [Карамзин: 300–301]. Н. Е. Никонова, рассуждая об образе Наполеона в патриотической поэзии, отмечает, что «самым популярным, ключевым клише стал образ Наполеона-безбожника, врага христиан» [Никонова: 498].

² Ср. те же мотивы варварства и хитрости в речи кучера Чичикова, Селифана, обращенной к пристяжному коню: «Хитри, хитри! вот я тебя перехитрю! <...> У, варвар! Бонапарт ты проклятой!.. <...> Нет, ты живи по правде, когда хочешь, чтобы тебе оказывали почтение» [Гоголь 1951: 40–41]. Устойчивые именованья Наполеона можно видеть и в безымянной эпиграмме с акrostихом: «Наглый трона похититель, // Алчный света разоритель, // Проньрством счастливый злодей, // <...> Наказан будет как варвар и тиран» [«Отчизну обняла кровавая забота...»: 102–103].

[Березовая]; в описании безумия Наполеона и победы «не от множества сил» — аллюзии на псалмы (Пс. 13:1; Пс. 32:16).

Текст интересен фольклорной обработкой усвоенного из книг и газет взгляда на историю. В середине XIX в. раёк был распространенным ярмарочным увеселением. Демонстрация лубочных картинок сопровождалась рифмованными прибаутками и игрой со зрителем. Как отмечает А. Ф. Некрылова, «среди портретной галереи “потешной панорамы” одно из первых мест отводилось Наполеону. Часто он изображался на белой лошади и характеризовался словесно следующим образом: “А эфта, я вам доложу-с, французский царь Наполеонт, тот самый, которого батюшка наш, Александр Благословенный, блаженной памяти в бозе почивающий, сослал на остров Еленцию за худую поведенцию”. <...> в устах раешников Наполеон предстает обыкновенно не врагом, а популярным героем, у которого были поражения, но были и успехи» [Некрылова: 136]. Вполне вероятно, что автор записной книжки слышал и видел такие представления и ориентировался на них. И все же «Сатира» кажется именно сочиненной Василием Козминых, а не просто записанной: и прямое обращение к Наполеону, и отсутствие обращений к зрителю, и нравоучительная интонация, а также библейские цитаты и связь со всеми остальными записями в книжке говорят в пользу авторства новоторжского купца.

Из дальнейшего содержания рукописи видно, что Василия Козминых, как и многих его современников, занимает вопрос: гений ли Наполеон? В поиске ответа важную роль играют библейские цитаты и азбучные истины: «Прощение гораздо лучше мщениа. Прощение есть свойство кроткаго нрава; мщение же есть начало свирепства» [Российская азбука: 92]; «В злохудожну душу не внидет премудрость. Премудрый Сирах» (Прем. 1: 4); «Слѣд Наполеон не есть гений, он очень лют и свиреп, и мщение имѣл, герцога Ангиенскаго разстрелял и Тальму книгопродавц<a>¹. Ему по заслугам и воздаяние, злomu Наполеону» (л. 22). В отличие от последнего, Александр I «вел войну щастливо <...> И нынѣ царие разумейте и накажитесь вси судящии земли. Псал<тырь>» (л. 42; Пс. 2:10). Другим источником истины становится торжественная поэзия: к описанию событий 1812 г., очевидно, по

¹ Иоганн Филипп Пальм, казненный в 1806 г. [Германия в глубоком унижении своем].

памяти приводятся сроки М. В. Ломоносова (без подписи) «Хотя мы жив<ем> и за лдыстыми снегами, но Бог дивен своими чудесами. 1812-й год»¹ (л. 7 об.).

Рукопись оканчивается родословием Наполеона и связями Бонапартов с Анатодем Демидовым и Максимилианом Лейхтенбергским (л. 76 об.–77 об.). Эта линия, идущая к современной для пишущего России, делает героя записной книжки еще ближе. Знания о Наполеоне также становятся для Василия Козминых ключом к пониманию современных французских событий. Реагируя на новости 1852 г., он пишет: «президент поступает грозно по-наполеоновски и бездълникам не по-такает»; «у них такой инстинкт (*sic*), и Наполеон не платил за Иозефину, супругу, а кредиторов ея сослал» (л. 76)².

Периоды повышенного общественного внимания к эпохе 1812 г. в XIX в., выделенные А. Г. Тартаковским («первые послевоенные годы, 30-е годы, вторая половина 50-х – начало 60-х годов» [Тартаковский: 261]) не связаны с ведением записной книги. Вероятно, этот интерес был личный, а не внушенный общественной повесткой. Удивительно, что при всем отрицании Наполеона в книжке совершенно явственно видно, что он остается властителем дум; частные записи демонстрируют столь знакомую по русской литературе озабоченность наполеоновским вопросом. В формировании образа Наполеона автор записной книжки остается вне распространенных парадигм: это не Наполеон-антихрист или пророк [Подосокорский], не романтический Наполеон [Артамонова]. Главным этическим мерилom для В. Е. Козминых остаются библейские истины; тем не менее, он как будто и возмущен, и восхищен дерзостью Наполеона. Возможно, амбивалентность этого образа связана с чтением старых журналов (в первую очередь — «Вестника Европы»), в которых представление о Наполеоне менялось [Наринский], а также с чтением современных газет, например, «Северной пчелы», в которой появлялся земной «булгаринский Наполеон» [Рейт-блат 2003].

¹ «Но Бог меж лдыстыми горами // Велик своими чудесами» [Ломоносов: 119].

² Ср.: Московские ведомости. 1852. № 22. Здесь и далее в сносках приводятся ссылки на периодические издания, содержащиеся в самой рукописи.

Исторические выписки

Главный интерес составителя «сборника» — исторический, причем история изучается им в основном по газетам и журналам. Источниками В. Е. Козминых служат «Московские ведомости» (1848, 1851, 1852 гг.), «Северная пчела» (1833, 1834, 1851, 1852 гг.), «Вестник Европы» (1805, 1806, 1817, 1818 гг.), «Политический журнал» (1812 г.); упоминаются как современные, так и старые номера¹. Нередко указывается страница источника, что показывает доступность и неустаревающую ценность газет и журналов. Кроме того, есть выписки из книг: «Пращица духовная» еп. Питирима (1752 г.), «Анекдоты достопамятной войны россиян с французами» С. И. Ушакова (1813–1814 гг.), «Учебная книга истории государства Российского» Е. Константинова (1820 г.).

Летопись, доведенная до 1805 г., после сатиры на Наполеона продолжается до 1815 г. Затем кратко указываются события 1826–1852 гг., имеющие отношение уже к истории России, а не Франции, причем некоторые годы (1841, 1845) оставлены пустыми (л. 9 об.–17 об.). Сохраняются новости о нововведениях: о почетном гражданстве, ношении мундиров, первом применении асфальта и аммосовских печей, развитии гомеопатии. Автор записей не отстает от своего века и с интересом воспринимает его новшества. На протяжении записной книжки пишущий многократно возвращается к одним и тем же темам, наиболее важным в годы ее создания: всемирная выставка в Лондоне 1851 г., золотоносные руды, и чаще всего — железная дорога (л. 10 об., 11 об., 15, 16 об., 18 об., 43 об.–44 об. и др.). Непременная часть купеческой книжки — внимание к событиям императорской семьи: таковы записи о великом князе Константине Николаевиче (л. 14), о пребывании государя в Москве (л. 16). Местное значение имеет выписка о путешествии императора из Петербурга в Москву в 1851 г. по железной дороге: «в Твери встречал голова купец Кобелев и с проч<ими>. См 100 № Вѣдом<остей> Московск<их>» (л. 15).

¹ Ср. о пристрастии жителей Торжка к политике: «Направление новоторжского общества можно видеть из того, что в 1864 г. в Торжке получалось тамошними купцами до 29 экземпляров разных газет, тогда как литературных журналов почти вовсе не было получаемо» [Описание Торжка: 116–117].

В записях освещаются отдельные сюжеты русской истории XVI–XVII вв. (л. 25 об.–26, 30 об.), измена князя Курбского (л. 31 об.), московские пожары XVI в. (л. 32), родословие царей от Рюрика (л. 33 об.–36; 37 об.–40), указ Петра I о бранобритии (л. 36 об.), войны и события Николаевской эпохи (л. 42 об.–43). В книжке также переписаны анекдоты Отечественной войны «Смелый ответ генерала Тутолмина», «Смерть генерала Багговута» и др. (л. 52 об.–53 об., 54 об. – 57) [Анекдоты до-стопамятной войны].

Другие выписки купца в высшей степени разнообразны по содержанию и иногда имеют вид указателя к газетам: «1851 г. № 98 Московские» вѣдом<ости> замѣчательны о 16 июля солнечном затмѣнии в Тавридѣ <...> некии в страхѣ большом испугавшись, но не всѣ разумие имѣют» (л. 14 об.). Иногда же записывается личный отклик на произошедшее событие. Редкая запись от первого лица с рассуждением о лучших тканях вызвана новостью о смерти фабриканта И. М. Кондрашева: «придворный поставщик, знаменитый фабрикант и разн<ых> орден<ов> кавалер Кондрашев умре 1852 апр<еля> 1 ч<исла>. Его шелковые товары отличны и были на выставкѣ 1851 г. в Лондонѣ. Но я полагаю лучшими издѣльями шелковыя: 1-е китайские, 2-е лионские. Бумажные ситцы француз<ие>, а весьма дешевыя руския, кои есть 8 к. серебр<ом> аршин. Лучшие сукны в России графа Комарова, ситцы Титова и Вебера, а нынѣ бумаж<ные> Бинарда» (л. 23).

Провинциальный читатель

Записная книга Василия Козминых дает материал для рецептивной эстетики и изучения культуры чтения; ее можно рассматривать в контексте читательских записей на полях. Мы видим не только ссылки на источники, которые собирает в своем «архиве» автор, но и то, как он читает, — проявляется «манера чтения, понимание прочитанного и затем применение в жизни знаний, извлеченных из прочитанного» [История чтения: 341]. Расширяя традиционное представление о купечестве, читающем духовную литературу, А. И. Рейтблат говорит о популярности рыцарских повестей и прикладной литературы, проникновении переводного романа, о чтении Н. М. Карамзина. По воспоминаниям Н. А. Полевого, с восьми лет он читал вслух «матери

моей романы, отцу же Библию и “Московские ведомости”» [Рейтблат: 27–28; 34]¹. В описании круга чтения семьи поместных дворян Чихачевых Кэтрин Пикеринг Антонова упоминает переплетенные подшивки «Земледельческой газеты» с пометками на полях. Заметки о чтении попадали в дневники с комментариями о прочитанном, новинок не хватало, «однажды, когда читать оказалось нечего, Яков принялся перечитывать газеты за весь 1814 год». Семью Чихачевых автор называет «восторженными провинциальными читателями», читающими «с позиций скорее этических, чем эстетических. Хваля какое-либо произведение, они хвалили в первую очередь поведение героев или соглашались с рассуждениями автора или персонажей» [Пикеринг Антонова: 203, 214, 219]. Это определение исследовательницы — чтение с позиций этических, а не эстетических — представляется в некотором смысле универсальным.

Любопытны читательские комментарии В. Е. Козминых: после рассказа о казни Марии Стюарт — «Вот женщ<ины>. Фурии» (о Екатерине Медичи и Елисавете I, л. 19), после выписки о калифорнийских приисках² — «Вот золота сколько» (л. 46 об.); о золоте в Австралии — «Чудное дѣло! Чего прежде не бывало» (л. 58 об.). Выписка о наказанном многолетним арестом крестьянском сыне «в ганноверской деревне»³ резюмируется: «Злой отец сына тиранил» (л. 23 об.–24). Можно заметить, что особенно сильное впечатление производят на автора записей необычайные, неоправданные жестокости, особенно совершаемые в семейном кругу. С этим же семейным интересом связаны, вероятно, записи с пересказом Поучения Владимира Мономаха и Домостроя (л. 47–48).

Пространный отрывок «Дѣла о колдовствѣ и ворожях и языческия обряды на свадьбах в 17-м вѣке» (л. 48–51 об.) заключается сентенцией о том, насколько старые медицинские обычаи уступают новым: «О, старинные люди очень глупы. Приключится человеку какая боль,

¹ В работах Е. П. Пироговой отмечено глубокое увлечение историей, проявившееся в библиотеке екатеринбургских купцов Блохиных [Пирогова]. Ср. также книжные собрания иркутского купечества первой половины XIX в., отражающие их географические и исторические интересы [Коллекции и книги: 17–28], уникальную библиотеку купца 1-й гильдии В. Н. Баснина [Манасеин] и др.

² Московские ведомости. 1852. № 52. С. 533.

³ Московские ведомости. 1852. № 23. С. 240.

то приводят ворожею <...> и суѣверие неограниченно было в России» (л. 52). Проблема суеверия и святотатства также глубоко волновала автора записной книжки. В этом ряду представляет интерес переписанный фрагмент «Писем из Франции» Д. И. Фонвизина (1778 г.): «Все архиеп<ископы> и еп<ис>к<о>пы суть братья знатнейших особ <...> Суѣверие народное простирается там до невѣроятности» (л. 27)¹. Выписка о празднике-маскараде в Провансе не окончена, оставлены чистые листы (у Фонвизина далее говорилось о переодевании на празднике в персонажей священной истории).

Для Василия Козминых пока не существует категории авторства, есть только источник, который зачастую понимается очень буквально. Так, теоретическая статья А. Ф. Мерзлякова «О том, что называется действие драмы (басня, содержание), и об его главных свойствах»², в которой исследуются возможности представления истории в искусстве, становится источником выписки, озаглавленной «Трагедии». «Был один затѣйник из русских, который вывел на сцѣну незабвеннаго Гермогена в святительской его одеждѣ <...>», — выписка в данном случае дословная; заимствуется не только текст, но и эмоции, присваивается возмущение автора представлением страдальца на сцене. На соседней странице записной книжки дается справка о святителе Гермогене по другом источнику: «В 1611 году в Польше пострадал <...> См. Истор<ию> Констан<антинова> 134 стр.» [Константинов]. В той же статье А. Ф. Мерзлякова критикуется трагедия В. А. Озерова «Дмитрий Донской». Появившийся в пересказе тверской сюжет привлекает внимание В. Е. Козминых, который выписывает: «Дмитрий Иван<ович> Донской влюбился в Ксению, Тверской также» (л. 33)³, — однако к этой вымышленной любовной линии, касающейся безымянного тверского князя, исторической справки не находится.

Незыблемыми семейными интересами объясняется и выписка о князе Андрее Курбском, якобы оставившем в России сына: «сын его Кубрсаго (*sic*) в русской службѣ был и ранен поляками. *Юрий сей кричит, узнает отца, простирает руки к отцу*, — вот что, погубил сына в дерзости своей. Андрей Михайлович глуп» (Курсив здесь и далее мой. — Т. Г.) (л. 31 об.). Опубликованный в «Северной Пчеле» отрывок

¹ Вестник Европы. 1806. № 9 (Май). С. 11–12.

² Вестник Европы. 1817. № 10 (Май). С. 113–114.

³ Вестник Европы. 1817. № 10 (Май). С. 129.

Б. М. Федорова «Курбский пред Великими Луками» был полон подробностями, опущенными В. Е. Козминых: «Боже! это Юрий. Курбский узнает своего сына, бледного, испуганного, покрытого пылью и обогреного кровью... *Юрий узнает отца, кричит, простирает к нему руки*, но в сию минуту внезапно приспевший полк башкирских стрельцов разделяет отца с сыном, пронесшись в средину между русскими и поляками»¹. Сюжет в записи пересказан в общих чертах; дословное заимствование, изображающее отчаянный жест сына, сменяется нравоучительным заключением читателя обо всей истории и ее герое, Курбском.

Такое эмоциональное чтение очень точно передано в «Записках сумасшедшего» Н. В. Гоголя: «Читал Пчелку. Эка глупый народ французы! Ну, чего хотят они? Взял бы, ей богу, их всех да и перепорол розгами! Там же читал очень приятное изображение бала, описанное курским помещиком <...> Я сегодня все утро читал газеты. Странные дела делаются в Испании. Я даже не мог хорошенько разобрать их. <...> Как же может быть престол упразднен? <...> На престоле должен быть король» [Гоголь 1938: 196; 206–207]. В отличие от дневников, в которых чтение фиксируется как процесс наравне с другими событиями, в записной книжке запечатлеваются только плоды чтения — наиболее интересные факты, которые хочется сохранить. Ю. М. Лотман отмечал, что «носитель фольклорного мышления если и читает газету, то лишь в поисках “происшествий” и “странных” событий» [Лотман: 337]. В записной книжке новоторжского купца действительно можно заметить внимание к странному и неправильному, особенно в основополагающих сферах жизни: в вере, семье, государственном устройстве.

¹ Северная пчела. 1833. № 45 (27 февр). С. 180. Это отрывок из романа Б. М. Федорова «Князь Курбский» (1843 г.), о котором неодобрительно отзывался В. Г. Белинский: «На всех почти действиях героев и героинь Б. М. Федорова лежит печать какой-то глупости и тупоумия, как будто необходимых спутников дел того времени. Этот странный колорит сообщен даже некоторым событиям чисто историческим <...> Начатки русского исторического романа — шутка!.. И в чем же эти начатки?.. В неверном и пошлом до невероятности пересказе некоторых исторических событий, с примесью пустяков собственного изделия сочинителя! <...> Словом, в романе соблюдены все как внешние, так и внутренние условия, требуемые от книги публикою, которая запасается умственной пищею от брадатых букинистов, разносящих по лицу России творения, не принимаемые в порядочных книжных лавках» [Белинский: 593; 594; 595].

В записях Василия Козминых отчетливо прослеживается также экономический интерес к большим расходам и доходам; даже «итог» Наполеона в сатире был назван «нолем». С этим связаны выписки об открытии золотых руд и алмазов, о цене природных происшествий: «181 № Пчела 1851 год сколько в 1850 году было в России пожаров и на какую сумму» (л. 14 об.); «1851 г. № 141 Моск<овские> вѣд<омости>. В Австралии открылось много золотой руды. Стран<ица> 1358. А Калифорния всѣх превосходит прииска<ми>, во мн<огих> мѣстах находят золото» (л. 20). Примечательна сухая фактическая выписка из раннего номера «Вестника Европы», в котором рассказывалось о причинах древних богатей:

Вестник Европы. 1805. № 23. С. 201–202.	Записная книга В. Е. Козминых, л. 19 об.
<p><i>Примеры расточительности</i> Сенека пишет, что в его время женщины носили на ушах по три жемчужины, из которых каждая стоила богатого поместья. По излишнему пристрастию к суетному щегольству, они даже на баинмаки свои нашивали жемчуг. Вообще, у древних жемчуг почитался драгоценнейшим произведением природы. Богачи не только употребляли его для убора, но по странной прихотливости лакомились им, как самым редким кушаньем.</p> <p>Известна шалость Клеопатры, сей венчанной прелестницы, которая билась об заклад с Антонием, что ужин, для ее одной приготовленный, будет стоить десять миллионов сестерциев, то есть около двух миллионов нынешних французских ливров.</p>	<p>1805 г. Вѣстник Европ<ы> Ноябрь м<есяц> № 23 <i>Примеры расточителн<ости></i></p> <p><i>Женщины на баинмаки нашивали жемчуг (дорогой цѣны), но и по странной прихотливости богачи лакомились им, как редким кушаньем.</i></p> <p><i>Клеопатра съѣла в два миллиона ливров жемчужину, что ужин для ее одной стоит 2 миллион<а> нынѣш<них> ливров француз<ских>. См. 201 стр<аницу></i></p>

Той же теме показного богатства посвящены выписки из русской истории: «1595 г. Россия отправила посланником Михаила Вельяминова, и с ним соболей, лисиц и протч<их> шкур в подарок в Вѣну на 44000 р. Царь Борис хотѣл прославиться щедростию, несмотря на го-

лод в России» (л. 26–26 об.). Одна из записей В. Е. Козминых как будто резюмирует его размышления по поводу богатства и бедности: «Вот результат. Чем дешевле хлѣб, тѣм народ бѣднее. 1 р. пуд мука – голод. А 4 р. и больше – не было голада, и торговля хороша, и рабочие плату велику получали. Деньги притчиною роскош и бедность дѣлают» (л. 44).

Местные известия

В летописи 1826–1852 гг. есть и местные известия: «1837. В Бородинѣ памятник и в Твери наводнение 10-го апрѣля. От разлития много домов в водѣ было. Губернатор Болговской» (л. 10); «1840 г. Хлѣб дорог по неурожаю, а особливо в низовых городах. В Москвѣ 4 р. В Тулѣ 5 р. В Торжкѣ 3-20 и 3 р. пуд на асигнации» (л. 11). С гордостью сообщается о награждении панагией митрополита Филарета, который «был с 15 марта 1819 г. архиепископ<ом> Тверским по 26 сент<ября> 1820 г.».

В книжке купца есть ряд собственно новоторжских известий: о вступлении уланского полка в Торжок в 1851 г. и смене в 1852 г. уланского полковника (л. 16 об., 45 об.), о продаже дома «Успенской попадьей» барину Вульфѣ за 6000 р. (л. 17 об.), об именах священников, диаконов и архимандритов в монастырях и храмах города (л. 24 об.–25, л. 73 об.–74) и т. д. Сообщаются устные подробности событий: «1852 г. июня 8 Илиодора архиерей сдѣлал казначеем. Анаст<асий> сказ<ал>, что он горд и проч.» (л. 74). Пишущему свойствен критический взгляд на окружающее: «1851 г. сент<ября> семинаристов в Твери 950. Из них потребно 350, а 600 чел<овек> исключены. А в Торжкѣ в училище духовное принимать не моложе 13 лѣт, по словам дьячк<а> Егор<а>, а по словам Знаменск<ого> с<вя>щ<ени>ка 9-ти лѣт и 12 лѣт» (л. 16 об.). Упомянутый источник — «Знаменский священник» — сообщал В. Е. Козминых и другие известия: например, о смене ректора в Твери (л. 45). На нижней крышке переплета записи практически утрачены, некогда там читались подробности дуэли 1851 г. под Торжком, на которой был убит И. С. Львов¹.

¹ На месте этой дуэли вблизи Торжка стоит памятный камень, известно письмо Ивана Сергеевича к родным об оскорблении его офицером Коншиным [Бочкарева].

Традиционная часть записной книжки — запись непреходящих фактов (таких как система перевода единиц измерений на верхней крышке переплета). Дважды записывается перечень «славных живописцев»: это Рафаэль и Рубенс в Европе¹; Брюллов и Айвазовский в России; ювелир Сазиков (л. 22 об.). В том же ряду упомянуты и местные мастера: «в Торжкѣ живописец писал Михайла Лаврентьев с Кузлова г-на Хвостова и писал картину на полотнѣ Господа Вседержителя в Стокгоlm. Иконнаго писания в Торжкѣ Дорофей Ланен» (л. 75). Тема местной иконописной традиции раскрывается и в ином ключе: «1765 и 1790 г. иконописцы в Торжкѣ глупы, на образѣ Страшн<ого> суда Гузнищев написал муки грѣшн<ых> Касалбаши, и малоросиянѣ в колпаках идут в муку вѣчную, — не зная, что Малоросия правосл<авна>» (л. 74 об.)². Здесь же заметки об итальянских иконах в Новоторжском Борисоглебском монастыре, о византийском стиле Храма Христа Спасителя.

Личные записи

В летописи 1826–1852 гг. немногочисленные личные события занимают место наравне с государственными. «1836 июня 10 параличь» (л. 10); «1847 г. в августѣ умерли внуки мои Александр младенец, Александра и Марья скарлатиною. 1848 г. холера ужасн<ая> во всей России. Июля 13-го умре дочь Анна и сын ее 8-го июля Костюша. 1848-го г. во Франции короля изгнали и республику составили» (л. 12 об.–13).

Важная часть купеческой жизни — благочестие — нашла отражение в ретроспективном списке пожертвований, «субкультуре религи-

¹ Вестник Европы. 1818. № 7. С. 230.

² Возможно, речь о «лубочной» росписи деревянной Вознесенской церкви: «Интересны некоторые иконы, судя по подписям написанные в самом конце XVIII или первом десятилетии XIX века <...>. Такова икона Страшного суда, датированная 1817 годом, но почти буквально воспроизводящая старинные обработки той же темы, фигуры громоздятся одна над другой, сверху ближе к престолу Божьему — праведники, внизу вокруг змеи — грешники, уже получившие возмездие за свои грехи: одни горят в вечном огне, другие подвешены за язык, словом, — целая система пыток, вытекающих из сущности каждого караемого греха» [Шамурины: 64].

озных практик» [Ульянова: 203]: «1836 г. в церковь Иоанна Богосл<о>ва> пожертвовал я 3 ¼ ар<шина> дородору. Бахрамы и позум<ента> золот<ого> на 48 р. и на свѣчу Богос<лову> 2-20. И сие дал старостѣ <...> 1838 г. Нил Ильич Дерябин пожертв<овал> к Богослову же ризы крестами» (л. 57 об.). Рядом записываются пожертвования купцов Уваровых и дается оценка их способностям: «еще Уваровы состроили церков у Богослова каменную теплую» (л. 58 об.), «Уваровы способны быть старостами, а особливо Степан Никитечь» (л. 59).

Еще до открытия железной дороги автор записной книжки делает весьма правдоподобные прогнозы о ее будущей роли для Торжка. Это единственное в записное книжке дневниковое включение, напоминающее беседу с самим собой: «1852 г. Железная дорога много убытку Торжку сдѣлает, а особливо торгующим в Гостином дворѣ. Другой, не понимая сего, что на малую сумму не может дешевле купить в Москвѣ, поедет в Москву купить. Постоялые дворы падут. <...> 1852-й год. Торговля по нашей лавкѣ мала да и проч<ие> торгуют плохо. Барки стали грузиться 18-го апрѣля. Вода мала по прич<ине> холодн<ого> ветра. <...> 24 апрѣля почта стала ходить из столицы два раза в недѣлю, а из столицы в столицу по железной дороге каждодневно. Никто не ѣздит по шоссѣ. Два раза в недѣлю это в Торжок» (л. 44 об.–45 об.). В «Памятной книжке Тверской губернии», действительно, говорится, что «промышленная и ремесленная деятельность Торжка значительно упала с проведения Николаевской железной дороги <...> даже купечество, имеющее более значительные обороты, имело свою долю выгод от этого движения, потому что проезжающие, а наиболее проходящие запасались чем-нибудь в Торжке» [Описание Торжка: 102–103].

Сохранились воспоминания врача А. А. Синицына о Торжке 1859 г., в которых рисуется вполне традиционная картина «темного царства»: новоторжское купечество изображено богатым и сильным, не гнушающимся хитрости, с закрытой от посторонних домашней жизнью, с упрямством придерживающимся старых семейных обычаев. «Каждый дом более или менее зажиточного купца представлял род крепости <...>. Двор окружен был хозяйственными постройками и каменной стеной. Тяжелые деревянные ворота были постоянно на замке, и возле них всегда стоял мальчик лет двенадцати, представлявший из себя первую ступень служебной иерархии. <...> Затем являлся приказчик постарше и, по снятии с вас того же допроса, также исчезал на неко-

торое время. <...> Наконец, являлся хозяин и, пригласив вас сесть, начинал с вами разговор. В это время приносился чай <...> Если дело было слажено, то хозяин приглашал вас в другую комнату, где на столе была приготовлена водка и закуска. <...> Без этих китайских церемоний не обходилась ни одна торговая сделка. Даже доктора должны были проходить через всю эту шеренгу приказчиков» [Романов: 204–206]. А. А. Сеницын отмечает отсутствие стремления к образованию: «Детей своих купцы учили очень мало, большею частью у местных дьяконов и причетников читать, писать, часослову и первым правилам арифметики. Кроме приходских школ и уездного училища, других учебных заведений не было» [Романов: 209]. В этой безрадостной картине выделяется рассказ о двух купцах. Один из них, старообрядец А. И. Сборовский, получал «Колокол» и виделся с А. И. Герценом. У другого, В. М. Вавулина, обнаружилось два больших шкафа с книгами, в числе которых — полное собрание сочинений Вольтера: «Эти книги он приобрел очень давно, когда еще был масоном. <...> к этому обществу, кроме него, принадлежало еще несколько новоторжских купцов, что доказывает, что развитие купечества в начале девятнадцатого столетия было выше, чем в середине его» [Романов: 496].

О Василии Козминых известно, что он был членом Российского библейского общества. Этому посвящена одна из записей: «Библейское общество в России. Но 1826 года закрыто. Я с 1815 год<a> платил по 5 р. 12 лѣт каждой год. А 1-й год единовр<еменно> 10 р.» (л. 18 об.). По распространенному убеждению противников Библейского общества в России, через его отделения распространялось масонство [Чистович: 240–258]. Можно отметить, что новоторжский купец достаточно рано (в 1814 г.) стал жертвователем идеи, о которой в 1815 г. и последующие сообщалось: «Относительно цели Библейского общества, мы видим, что известие об оной не дошло еще до весьма многих мест в пространном отечестве нашем» [О цели: 4].

Распространенное в Торжке старообрядчество также становилось предметом рассуждений в записной книжке. Этой теме посвящены выписки из единственной, помимо Библии, упоминаемой в записях книги церковной печати — «Пращицы духовной» архимандрита Питирима (1752 г.) — о трегубой аллилуйи и других спорных вопросах (л. 69 об.–72 об.). В. Е. Козминых комментирует свои выписки: «Какая нелепости у расколников. В злохудожну душу не внидет премудр<ость>»

(л. 69 об.). Этой же библейской цитатой (Прем. 1: 4) завершалось и рассуждение о Наполеоне.

При исследовании человеческих документов всегда возникает вопрос: где проходит грань между оригинальностью и традиционностью отразившихся в них повседневных практик. Перед нами купеческая записная книжка, содержащая очень мало бытовых записей и много исторических размышлений. Своего рода личный сборник, в котором информация упорядочивается в особом порядке: читательские выписки с комментариями, собственная историческая летопись, составленная по газетным известиям, местные новости и личная память. Особое место в рукописи занимает размышление о нравственном значении личности Наполеона. Этот сборник, очевидно, был составлен для себя, без расчета на читателя, и в этой безыскусности его особая ценность. Его чтение производит впечатление разговора с человеком, вероятно, очень преклонного возраста. Можно услышать его недовольство, пересказ последних новостей, увидеть сложившуюся картину мира. В формировании этой индивидуальной картины мира известную роль сыграли церковная жизнь и периодическая печать.

Список литературы

Источники

Белинский В. Г. Князь Курбский, исторический роман из событий XVI века. Соч. Бориса Федорова. В четырех частях // *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 7: Статьи и рецензии. 1843. Статьи о Пушкине. 1843–1846. С. 585–595.

Германия в глубоком унижении своём. Сочинение, за продажу которого расстрелян по повелению Бонапарта Ниренбергский книгопродавец Пальм. СПб.: При Имп. Акад. наук. 1807. 104 с.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 3: Повести. 725 с.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 6: Мертвые души. 921 с.

[*Екатерина II*]. Российская азбука для обучения юношества чтению, напечатанная для общественных школ по Высочайшему повелению. СПб.: При Имп. Акад. наук, [Б. д.]. 102 с.

Карамзин Н. М. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1966. 423 с.

Константинов Е. Учебная книга истории государства Российского. СПб.: В тип. И. Глазунова, 1820. Ч. 1.

Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1986. 552 с.

Н. Р-в. Описание Торжка // Памятная книга Тверской губернии за 1865 г. Тверь: В тип. Губернского правления, 1865. 47, 106, 185, 77 с.

О цели Российского библейского общества и средствах к достижению оной. СПб.: В Морской тип., 1815. 12 с.

Питирим, еп. Нижегородский и Алатырский. Пращица. М.: Синодальная тип., 1752. 445 л.

Романов Н. Д. Из воспоминаний старого врача А. А. Сеницына // Русская старина. 1913. Т. 154. Кн. 4–6. С. 188–212; 495–549.

Ушаков С. И. Анекдоты достопамятной войны Россиян с Французами, или Дух твердости, храбрости, мужества, благочестия, терпения и любви к Вере, Государю и Отечеству истинных Россиян ; и малодушия, буйства и безбожия вероломных Французов ; случившееся во время нашествия Наполеона на Россию и по бегстве его из оной, в 1812 и 1813 годах: в 3 ч. СПб.: В тип. Иос. Иоаннесова, 1813–1814.

Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. 347 с.

Шамурины Ю. и З. Культурные сокровища России: Калуга. Тверь. Тула. Торжок. М.: Изд-во т-ва «Образование», 1913. 74 с.

Исследования

Артамонова И. В. Миф о Наполеоне в русской классике XIX века: А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь. М.: ИНФРА-М, 2021. 169 с.

Барклай И. Е. Дневники тверских купцов. Тверь: Изд-во Тверского гос. технического ун-та, 2002. 92 с.

Березовая Л. Г. Наполеон в русской карикатуре 1812–1813 гг. // Наполеоновские войны на ментальных картах Европы: историческое сознание и литературные мифы. М.: Ключ-С, 2011. С. 115–137.

Бочкарева И. А. Честь дороже жизни // Краеведческий альманах. 2001. № 2. С. 20–21.

История чтения в западном мире от Античности до наших дней / ред.-сост. Г. Кавалло, Р. Шартье; пер. с фр. М. А. Руновой, Н. Н. Зубкова, Т. А. Недашковской. М.: Изд-во ФАИР, 2008. 544 с.

Коллекции и книги из личных библиотек иркутского купечества XVII – начала XX века. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. 175 с.

Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX века / сост. А. В. Семенова, А. И. Аксенов, Н. В. Серeda. М.: РОССПЭН, Памятники исторической мысли, 2007. 470 с.

Лотман Ю. М. Художественная природа русских народных картинок // *Лотман Ю. М.* Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. С. 322–339.

Манассеин В. С. Сибирский библиофил В. Н. Баснин и его библиотека (первая половина XIX-го ст.): рукопись. Библиотека сибирского библиофила Василия Николаевича Баснина: каталог. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. 277 с.

Наринский М. М. Наполеон в современной ему российской публицистике и литературе // История СССР. 1990. № 1. С. 126–138.

Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: конец XVIII – нач. XX в. СПб.: Азбука-классика, 2004. 254 с.

Никонова Н. Е. Образы Наполеона в «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Юбилейное издание. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 494–504.

Подосокорский Н. Н. Религиозный аспект наполеоновского мифа в романе «Преступление и наказание»: образ «Наполеона-пророка» и мистические секты русских раскольников-почитателей Наполеона // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022 № 2 (18). С. 89–143. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-2-89-143>.

«Отчизну обняла кровавая забота...»: Рукописное наследие Отечественной войны 1812 года в собраниях Пушкинского Дома / сост. Г. В. Маркелов. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2012. 448 с.

Пикеринг Антонова К. Господа Чихачёвы. Мир поместного дворянства в Николаевской России. М.: НЛО, 2019. 456 с.

Пирогова Е. П. Книжные пристрастия екатеринбургских купцов Блохиных // Девятыe Татищевские чтения: Материалы науч.-практ. конф. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2012. С. 415–420.

Рейтблат А. И. Булгарин и Наполеон // Наполеон. Легенда и реальность. Материалы научных конференций и наполеоновских чтений 1996–1998 гг. М.: Минувшее, 2003. С. 202–212.

Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: НЛО, 2001. 328 с.

Савкина И. Л. Записки как «деперсонализированный дневник»: документально-художественный потенциал жанра // Вопросы литературы. 2013. № 1. С. 337–354.

Смирнова М. А. Автобиографическое и эпистолярное наследие регионально-го купечества России: новейшие направления и перспективы изучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 2. С. 233–243. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-233-243>.

Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. М.: Наука, 1980. 312 с.

Ульянова Г. Н. Автобиографические тексты купечества: религиозное сознание и религиозное поведение. 1770 – 1860-е годы // Вера и личность в меняющемся обществе. Автобиографика и православие в России конца XVII – начала XX века. М.: НЛО, 2019. С. 161–203.

References

Artamonova, I. V. *Mif o Napoleone v russkoi klassike XIX veka: A. S. Pushkin, M. Iu. Lermontov, N. V. Gogol' [The Myth of Napoleon in Russian Classics of the 19th Century: A. S. Pushkin, M. Yu. Lermontov, N. V. Gogol']*. Moscow, INFRA-M Publ., 2021. 169 p. (In Russ.)

Barklai, I. E. *Dnevnik tverskikh kuptsov [Diaries of Tver Merchants]*. Tver, Tver State Technical University Publ., 2002. 92 p. (In Russ.)

Berezovaia, L. G. “Napoleon v russkoi karikature 1812–1813 gg.” [“Napoleon in a Russian Caricature of 1812–1813”]. *Napoleonovskie voiny na mental'nykh kartakh Evropy: istoricheskoe soznanie i literaturnye mify [Napoleonic Wars on Mental Maps of Europe: Historical Consciousness and Literary Myths]*. Moscow, Kliuch-S Publ., 2011, pp. 115–137. (In Russ.)

Bochkareva, I. A. “Chest' dorozhe zhizni” [“Honor Is More Expensive than Life”]. *Kraevedcheskii al'manakh*, no. 2, 2001, pp. 20–21. (In Russ.)

Kavallo, G., and R. Shart'e, editors. *Istoriia chteniia v zapadnom mire ot Antichnosti do nashikh dnei [The History of Reading in the Western World from Antiquity to the Present Day]*. Moscow, FAIR Publ., 2008. 544 p. (In Russ.)

Kollektsii i knigi iz lichnykh bibliotek irkutskogo kupechestva XVII – nachala XX veka [Collections and Books from the Libraries of the Irkutsk Merchants' of 17th – the Beginning of the 20th Century]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2020. 175 p. (In Russ.)

Semenova, A. V., A. I. Aksenov, and N. V. Sereda, editors. *Kupecheskie dnevniki i memuary kontsa XVIII – pervoi poloviny XIX veka [Merchant Diaries and Memoirs of the End of the 18th – the First Half of the 19th Century]*. Moscow, ROSSPEN Publ., Pamiatniki istoricheskoi mysli Publ., 2007. 470 p. (In Russ.)

Lotman, Iu. M. “Khudozhestvennaia priroda russkikh narodnykh kartinok” [“Artistic Nature of Russian Folk Pictures”]. Lotman, Iu. M. *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva [Articles on Semiotics and Art Culture]*. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2002, pp. 322–339. (In Russ.)

Manassein, V. S. *Sibirskii bibliofil V. N. Basnin i ego biblioteka (pervaia polovina XIX-go st.): rukopis'. Biblioteka sibirskogo bibliofila Vasiliia Nikolaevicha Basnina: katalog [Siberian Bibliophile V. N. Basnin and His Library (First Half of the 19th Century): Manuscript. Library of the Siberian Bibliophile Vasily Mykolayovych Basnin: Catalog]*. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2019. 277 p. (In Russ.)

Narinskii, M. M. "Napoleon v sovremennoi emu rossiiskoi publitsistike i literature" ["Napoleon in Contemporary Russian Journalism and Literature"]. *Istoriia SSSR*, no. 1, 1990, pp. 126–138. (In Russ.)

Nekrylova, A. F. *Russkie narodnye gorodskie prazdniki, uveseleniia i zrelishcha: konets XVIII – nach. XX v. [Russian Folk City Holidays, Amusements and Shows: The End of the 18th Century – the Beginning of 20th Century]*. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2004. 254 p. (In Russ.)

Nikonova, N. E. "Obrazy Napoleona v 'Sobranii stikhotvorenii, otnosiashchikhsia k nezabvennomu 1812 godu.'" ["Images of Napoleon in the 'Collected Poems Relating to the Unforgettable Year of 1812.'"] *Sobranie stikhotvorenii, otnosiashchikhsia k nezabvennomu 1812 godu [A Collection of Poems Related to the Unforgettable Year 1812. Anniversary Edition]*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2015, pp. 494–504. (In Russ.)

Podosokorskii, N. N. "Religiozni aspekt napoleonovskogo mifa v romane 'Prestuplenie i nakazanie': obraz 'Napoleona-proroka' i misticheskie sekty russkikh raskol'nikov-pochitatelei Napoleona" ["The Religious Aspect of the Napoleonic Myth in the Novel 'Crime and Punishment': The Image of 'Napoleon the Prophet' and the Mystical Sects of Russian Schismatics and Admirers of Napoleon"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 2 (18), 2022, pp. 89–143. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-2-89-143> (In Russ.)

Markelov, G. V. "Otchiznu obniala krovavaia zabota...": *Rukopisnoe nasledie Otechestvennoi voiny 1812 goda v sobraniiah Pushkinskogo Doma* ["The Fatherland Was Embraced by Bloody Concern...": *Handwritten Heritage of the Patriotic War of 1812 in the Collections of the Pushkin House*]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2012. 448 p. (In Russ.)

Pikering Antonova, K. *Gospoda Chikhachevy. Mir pomestnogo dvorianstva v Nikolaevskoi Rossii [The Chikhachev Family. The World of the Local Nobility in Nikolaev Russia]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 456 p. (In Russ.)

Pirogova, E. P. "Knizhnye pristrastia ekaterinburgskikh kuptsov Blokhinykh" ["Book Addictions of the Ekaterinburg Merchants Blokhins"]. *Deviatye Tatishchevskie chteniia: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii [The Ninth Tatishchev Readings: Proceedings of the Scientific and Practical Conference]*. Ekaterinburg, Educational and Methodological Center UPI Publ., 2012, pp. 415–420. (In Russ.)

Reitblat, A. I. "Bulgarin i Napoleon" ["Bulgarin and Napoleon"]. *Napoleon. Legenda i real'nost'. Materialy nauchnykh konferentsii i napoleonovskikh chtenii 1996–1998 gg. [Napoleon. Legend and Reality. Proceedings of Scientific Conferences and Napoleonic Readings, 1996–1998]*. Moscow, Minuvshee Publ., 2003, pp. 202–212. (In Russ.)

Reitblat, A. I. *Kak Pushkin vyshel v genii: Istoriko-sotsiologicheskie ocherki o knizhnoi kul'ture Pushkinskoi epokhi [How Pushkin Became a Genius: Historical and Sociological*

Essays on the Book Culture of the Pushkin Era]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001. 328 p. (In Russ.)

Savkina, I. L. “‘Zapiski kak ‘depersonalizirovannyi dnevnik’: dokumental’no-khudozhestvennyi potentsial zhanra” [“Notes as a ‘Depersonalized Diary’: Documentary and Artistic Potential of the Genre”]. *Voprosy literatury*, no. 1, 2013, pp. 337–354. (In Russ.)

Smirnova, M. A. “Avtobiograficheskoe i epistoliarное nasledie regional’nogo kupechestva Rossii: noveishie napravleniia i perspektivy izucheniia” [“Autobiographical and Epistolary Heritage of the Regional Merchants of Russia: Newest Directions and Prospects for Study”]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriia: Istoriia Rossii*, vol. 21, no. 2, 2022, pp. 233–243. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-233-243> (In Russ.)

Tartakovskii, A. G. *1812 god i russkaia memuaristika [1812 and Russian Memoirs]*. Moscow, Nauka Publ., 1980. 312 p. (In Russ.)

Ul’ianova, G. N. “Avtobiograficheskie teksty kupechestva: religioznoe soznanie i religioznoe povedenie. 1770–1860-e gody” [“Autobiographical Texts of Merchants: Religious Consciousness and Religious Behavior. 1770–1860s”]. *Vera i lichnost’ v meniaiushchemsia obshchestve. Avtobiografika i pravoslavie v Rossii kontsa XVII – nachala XX veka [Faith and Personality in a Changing Society. Autobiography and Orthodoxy in Russia in the Late 17th – Early 20th Centuries]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019, pp. 161–203. (In Russ.)